

УДК 801.313.1+802.0

Л.В. Гнаповская

Украинская академия банковского дела Национального банка Украины,
г. Сумы

**«ВОЙНА» И «МИР» В ИМЕНИ:
ДИАЛОГ ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ?**

У статті смислова структура власної назви розглядається на тлі інтерпретації лінгвокультурного потенціалу, закодowanego у семантиці апеллативів сучасних англійських антропонімів германського походження. Детальному аналізу піддається специфіка мовної репрезентації домену «Військова сфера».

Ключові слова: власна назва, ономастична номінація, антропонім, культурологічний потенціал, концептуальний домен.

В статье смысловая структура имени собственного рассматривается в контексте интерпретации лингвокультурного потенциала, закодированного в семантике апеллативов современных английских имен германского происхождения. Детальному анализу подвергается специфика языковой репрезентации домена «Военная сфера».

Ключевые слова: имя собственное, ономастическая номинация, антропоним, культурологический потенциал, концептуальный домен.

The article considers the issue of a proper name's notional structure with respect to interpreting linguistic and cultural potential encoded in appellative semantics of modern English anthroponyms of Germanic origin. Specific features of language representation of the domain "Military sphere" is under detailed analysis.

Key words: proper name, onomastic nomination, anthroponym, culturological potential, conceptual domain.

Внимание лингвистов к проблемам изучения языковой номинации сегодня во многом обусловлено вхождением в спектр семантического анализа когнитивного подхода, что позволило сориентировать исследования в этой области на раскрытие механизмов языковой деятельности в ее неразрывной связи с мышлением и реальностью. Когнитивный ракурс изучения семантики языкового знака позволяет по-новому осмыслить таксономию различных групп номинативных единиц, особенно тех, чей статус в языковых классификациях до сих пор дискутируется. К таким единицам, в частности, относится имя собственное. Тайна его смысловой структуры до сих пор не разгадана, а его функционирование в ряде языковых ситуаций настолько отлично от соответствующего поведения других языковых категорий, что это, по словам Ю.М. Лотмана, «невольно наталкивает на мысль о том, что перед нами – инкорпорированный в толщу естественного языка некоторый другой, иначе устроенный язык» [4, с. 287].

Авторский подход к рассмотрению качественной природы имени собственного и антропонимикона как одной из подсистем ономастического пространства языка базируется на признании следующих положений.

1. Своеобразие ономастической номинации заключается в том, что с помощью онимов как языковых знаков осуществляется различение объектов реального мира в классах предметов и явлений, представляющихся важными в жизни общества. Идентифицируя посредством языковых единиц пространства, соответствующие национальному, государственному и социальному членению мира, ономастикон представляет собой ту лексическую подсистему, бытие которой целиком обусловлено социально-историческими, экономическими и социокультурными факторами, и исследование которой через призму понятия «широкого», «социокультурного» контекста» порождает многочисленные языковедческие импликации, предполагая анализ взаимодействия собственно языковых и экстралингвистических факторов в ее семантической структуре.

2. Реконструкция внутренней формы имени собственного позволяет декодировать свёрнутое в ней семантическое пространство текста. Текст этот представляет собой структурно-семантическое единство, репрезентирующее определенный социальный сюжет, т.е. «пакет знаний» об одной из моделей интеграции именуемого объекта в современный ему социальный мир. Текст этот функционирует как номинативно-коммуникативное целое в широком контексте культуры социума, и на этом основании определяется нами как особый вид текста – свёрнутый национально-культурный текст [2].

3. Личные имена как элементы ономастического пространства функционируют как своеобразные культурно-исторические и языковые индексы, представляя собой *промежуточную* сферу, в которой лингвистические и внеязыковые факторы вступают в наиболее тесные контакты. С одной стороны, связь антропонимов с системой языка проявляется в оформлении их как грамматических и словообразовательных категорий последнего. С другой стороны, антропонимы – это социально-исторические образования, которые возникли в конкретных условиях как необходимый элемент человеческого общения. В семантике их апеллятивов закодированы знания об общественной формации, служащей контекстом для их возникновения и функционирования. Как «зеркало культуры», они отражают разнообразные стороны жизни социума, включая экологические, мировоззренческие, этические и аксиологические черты, определяющие этническую индивидуальность народа. Так, М.Морошкин в «Славянском Именослове», называя имена «сокращенной историей внутреннего быта и духа народного», отмечает, что личные имена имеют важное значение не только как языковой материал, но и как памятка народных взглядов, понятий и представлений, поскольку нередко «там, где молчат хроники и исторические памятники, начинают повесть собственные имена» [6, с. 17].

Цель данной статьи – проиллюстрировать мысль о ценности ономастического материала как важного источника информации о процессах, характеризующих определенный этап в развитии конкретного социума, на

материале современных английских имен, апеллятивы которых восходят к общегерманским и англосаксонским основам. В частности, рассматривая представленную в ономаσιологическом пространстве рассматриваемых анронимов систему аксиологических ценностей англосаксов эпохи раннего средневековья, мы по сути интерпретируем ее через призму интенции родителей видеть нарекаемого именем ребенка «вписанным» в общую модель поведенческого типа общества, желания через имя реализовать свои моральные приоритеты и установки в нарекаемом этим именем ребенке как ценностно значимом «другом». Иными словами, мы анализируем, в терминологии М.М. Бахтина, «амплитуду биографического мира /.../ и характер авторитетной «дружости», в зависимости от которых возможны два типа «биографически ценностного сознания»: авантюрно-героический тип и социально-бытовой тип [1, с. 135].

Как показал проведенный анализ, сознание средневековых англосаксов можно охарактеризовать как сознание первого типа – *авантюрно-героическое*, в основе которого, в концепции М.М. Бахтина, лежит «воля быть героем, иметь значение в мире других» [1, с. 136], *прославить* себя. При этом понятие «слава» доминирует в семантике рассматриваемых лексем: ведь быть богатым, благородным, отважным, мудрым, а значит известным – все это варианты единого стремления к славе и связанным с ней силе, счастьем, чести, богатству и т.п. Подтверждение этому – высокая частотность в составе англосаксонских имен компонента «слава» (восходящего к древневерхненемецкой (далее – двн) основе *hrōd / hruod*), где он сочетается с лексемами, отсылающими исследователя к номинациям объектов из военной (см. имя *Roger* – «слава» + «копье»), экономической (*Roderic(k)* – «слава» + «богатый → могущественный»), социально-юридической (*Roald* – «слава» + «управлять (власть)») сфер, а также с элементом «волк», метафорически символизирующим «силу, воинскую доблесть» (*Rudolph* – «слава» + «волк»). Элемент «слава» составной частью входит в вербализуемые упомянутыми основами концепты «сила», «власть», «богатство», «могущество» и,

следовательно, пронизывает указанные сферы общественной деятельности, а в сочетании с элементом «яркий, т.е. знаменитый» (древнеангл. *beorht*) в имени *Robert (Rupert)* «слава» получает свое визуальное воплощение – она сияет, привлекая внимание и делая носителя имени ещё более знаменитым.

В целом, анализ апеллятивов английских имен германского происхождения показал, что в лексемах, представляющих концептуальный домен «Аксиологические ценности», реализуется одна из моделей славы, которые, по утверждению Ю.М. Лотмана, знало раннее средневековье – *модель феодально-рыцарская* [5, с. 83]. Здесь релевантным является признак «слава/бесславиe» («известность/неизвестность»), а не признак «вечность/тленность» («земная слава мгновенна»), доминирующий в христианско-церковной модели славы. Таким образом, указанный языковой факт служит убедительным доказательством того, что к моменту возникновения проанализированных имен с аксиологически маркированной семантикой христианство как система религиозных убеждений еще не заняло прочных позиций в сознании англосаксонских народностей.

Рассмотренные выше концепты из аксиологического домена логично коррелируют с понятиями, отражающими одну из основополагающих характеристик и ценностей социального бытия средневековых англосаксов – их *воинственность*. В модели мира, реконструируемой на основе анализа апеллятивов английских имен германского происхождения, языковая представленность домена «Военная сфера» находится вне всякой конкуренции, поражая детальностью описания и создавая даже впечатление некой «раздутости». Эта видимость гипертрофированности возникает из-за обилия наименований одного и того же понятия (напр., 5 обозначений «битвы» – двн *gunt* / др.-англ. *gūθ*, двн *hiltja*, двн *hadu*, др.-англ. *wīg*, др.-англ. *beadu*; 4 обозначения «защиты» – герм. **gard*, двн *tunt* / др.-англ. *tund*, двн *burg* / др.-англ. *beorgan* и др.-англ. *weard* / *weardian* со значением «стража / охранять»), подробного перечисления видов вооружения («копье», «меч», «секира», «лук из тисового дерева», «щит», «шлем», «кольчуга», «броня»), а

также высокой частотности большинства лексем, которые семантически связаны с номинациями объектов военной сферы.

В частности, говоря о наличии в апеллятивах имен анализируемого типа лексем, воплощающих тесно связанное с военной деятельностью понятие «защита», следует отметить, что данный концепт восходит к тому периоду в развитии этносознания англосаксов, когда последнее определялось термином «гентилизм» и обозначало необходимость защиты территории проживания общности «Мы» от нападений со стороны чужеродных «Они». Так, по свидетельствам историков, вплоть до XIV в. лица, следившие за неприкосновенностью границы, носили название «страж». Стражи (*wardens*) были известны как представители местной знати, стоящие во главе «марок», на которые в XIII в. делились пограничные области Англии – Нортумберленд, Кемберленд и Северная Англия [7, с. 117]. Отсюда – высокая частотность лексемы *weard* в составе рассматриваемых имен, носителями которых были представители высших слоёв англосаксонского общества. Указанная лексема зафиксирована в 16 именах (15 муж. и 1 жен.) и употребляется преимущественно в качестве второго компонента композитных имен в сочетании с элементами, обозначающими высшие аксиологические ценности англосаксонской эпохи. Данный факт свидетельствует о значимости этого понятия в модели мира рассматриваемой культурно-исторической традиции. Подтверждение этому – муж. имена *Edward* — «владение, богатство» + «защита», *Hereward* — «армия» + «защита», *Siward/Seward* — «победа» + «защита», *Kennard* — «смелый» + «защита», *Willard* — «воля, желание» + «защита». Употребление лексемы *weard* в таких именах как *Durward* — «дверь» + «стража, защита»: букв. «швейцар», *Steward/Stuart* — «дом, зал» + «стража, защита»: букв. «домоправитель», *Millard* — «мельница» + «стража, защита»: букв. «мельник», которые генетически являются отфамильными образованиями, свидетельствует о сохранении понятием «защита» своей релевантности и на более поздних этапах развития англосаксонского общества.

Проанализированные выше примеры наглядно подтверждают мысль Е.А. Шервуд о том, что в условиях сохранявшегося ещё в тот период института «кровной мести» как одной из разновидностей вражды и локальной формы ведения войны, «война раньше достигла развитых форм, чем мир» [7, с. 95]. При этом понятие «мира» является как бы обратной, теневой стороной концепта «война», отражая один из возможных и наиболее желаемых способов разрешения конфликтных ситуаций. Свидетельство тому – древнеанглийская лексема «*frith*» со значением «мир», которая в качестве структурного компонента входит в состав таких английских имен как женское *Fri(e)da/Freda* («мир») и мужские *Frederick* («мир» + «могущественный, богатый»); *Ferdinand* («мир» + «отвага»); *Geoffrey / Jeffrey* («область, край» + «мир»); *Godfrey* («бог» + «мир»); *Humphr(e)y* («великан (воин)» + «мир»); *Manfred* («человек» + «мир»); *Siegfried/Seyfried* («победа» + «мир»); *Wilfred* («воля, желание» + «мир»); *Winfred/Winfrid* («друг» + «мир»). Данная лексема не уцелела в современном английском языке и сохранилась только в качестве элемента апеллятивных основ названных антропонимов, в чем повинно влияние французского слова «*paix*» (современное английское «*peace*»). Последнее появилось на Британских островах во времена правления норманского герцога Вильгельма I Завоевателя и постепенно вытеснило «*frith*» из диалектов англосаксонских областей. Однако, зафиксированность указанного элемента в составе германских антропонимов свидетельствует о релевантности обозначаемого им понятия в контексте мировосприятия эпохи и может дать чрезвычайно интересный материал об этносоциальных процессах того периода.

Так, анализ характера коммуникативного общения как в целом обществ, находящихся в стадии разложения первобытнообщинного строя, так и отдельных индивидов и членов различных общностей, показывает, что концепт «мир» был ключевым в контексте англосаксонской (шире — общегерманской) культурно-исторической традиции. Идея «мира-родства» вписывалась в общую концептуальную модель этнического сознания того

периода, которую в наиболее общем виде Г. Сюз определяет как «гентилизм», т.е. психологическое противопоставление отдельных общностей «МЫ» — «ОНИ» (напр., англ. и саксы, англосаксы и датчане и т.п.), основанное на чувстве принадлежности к единому роду [8, с. 255]. В представлении германских народов некая сила мира соединяла различные племена. При этом основой «мира» у англосаксов являлся договор, который заключался письменно и подкреплялся устно определенными действиями.

Лексема «frith» встречается в англосаксонских законах наряду со словами «sib» («родство, род») и «cuth» («известный», а значит — «родной») уже в IX веке [7, с. 91]. По свидетельствам историков, лексемы «sib» и «cuth» употреблялись в официальных документах для заключения мирных соглашений, носящих в своей основе *кровнородственные* связи. Понятие же, обозначенное словом «frith», выражало смысл «мир — мирные отношения» и объединяло две различные этнические общности, не опираясь на какое-либо родство. Так, в законах короля Альфреда можно найти следующую статью: «Это есть мир («frith»), который король Альфред и король Гутрум и уитаны всех родов англов и всего народа в целом, что проживает в восточной Англии вместе заключили и клятвами укрепили за себя самих и за своих потомков как рожденных, так и (еще) нерождённых, которые пользуются милостью Господа или нашей». Подобным образом осмыслен «мир» («frith») в договоре королей Эдуарда и Гутрума: «/.../ как англ. и даны пошли на постоянный мир («frith») и дружбу /.../», а также в законах короля Этельреда: «Если сотоварищ по миру («frith-man») короля Этельреда прибудет в немирную страну («unfrith land») и тут подходит войско той земли, так пусть его король и все его добро имеют мир («frith»), т.е. «неприкосновенность». Приведенная статья является одним из пунктов мирного договора, заключенного между англосаксами и датчанами. В 1018 году при помощи «frith» король Кнут также утверждает мир между датчанами и англосаксами: «Именем Господа. Это есть предписание, которое определено и решено мудрейшими соответственно со многими добрыми предварительными условиями; пусть

будет, как только король Кнут по совету своих уитанов установил, что мир («frith») и дружба («freondscipe») между датчанами и англами, и пусть будет положен конец всем их разногласиям» (перевод Е.А. Шервуд [7, с. 91-92]).

Как видим, опорой «мира» выступало не кровное родство, а дружба. При этом концепт «мир» нес оттенок оформляющейся государственности и, будучи абстрактным понятием, объединял людей как внутри одной этнической общности, так и лиц различных этнических групп не по принципу родства, а на правовой основе возникающего государства.

Таким образом, исходя из лингвистических данных, представленных в семантике английских имен германского происхождения, можно сделать вывод о том, что война как символ разъединения и воссоединения, устранения беспорядка и установления порядка из хаоса путем мира, символ извечного конфликта между добром и злом в природе человека, символ достижения единства [3, с. 42], была одной из важнейших сфер жизни средневековых англосаксов, разновидностью их общественной деятельности, неотъемлемым и необходимым атрибутом их социального существования.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что исходной в нем является мысль о двойственной природе личного имени. С лингвистической точки зрения, всякий антропоним – это свернутый текст с присущими ему структурно-семантическими параметрами и закономерностями функционирования в системе языка. С точки зрения социально-исторической, имя – это своеобразный индекс этнической интеграции индивида в современное ему общество, сложный и многомерный знак человека-личности, раскрывающий свой потенциал в широком контексте культуры (материальной и духовной) социума, его породившего. В целом, предпринятая нами попытка выйти за рамки замкнутой «в-себе-и-для-себя» системы языка и привлечь к анализу английской антропонимической системы данные смежных с лингвистикой наук (антропологии, этнографии, социологии, культурологии) вносит определённый вклад в решение давнего, но до сих пор незавершенного спора о том, как структурировано смысловое

пространство, свёрнутое за внутренней формой антропонима как лингвистической единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Михаил Михайлович Бахтин. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.

2. Гнаповська Л.В. Лінгвокогнітивні та лінгвокультурологічні характеристики англійських антропонімів германського походження : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Л.В. Гнаповська. — К., 1999. — 19 с.

3. Купер Дж. Энциклопедия символов. / Джеймс Купер. — М.: Изд-во ассоциации Духовного единения «Золотой век», 1995. — 401 с.

4. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Труды по знаковым системам: Учён. зап. / Тартуский гос. ун-т. — 1973. — Вып. 308. — Т. VI. — С. 282-306.

5. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. / Юрий Михайлович Лотман. — М.: Гнозис; Изд. группа «Прогресс», 1992. — 271 с.

6. Синенко В.С. Имя и судьба / В.С. Синенко // Филол. науки. — 1995. — №3. — С. 14-22.

7. Шервуд Е.А. От англосаксов к англичанам (к проблеме формирования английского народа) / Евгения Андреевна Шервуд. — М.: Наука, 1988. — 237 с.

8. Szücs G. «Nationalität» und «Nationalbewusstsein» im Mittelalter / G. Szücs // Acta Historica. — 1972. — Vol. XVIII. — #3-4. — S. 251-273.